

АНТРАКТ

Жанна д'Арк маленько подросла

Она нетороплива. Меланхолична. А огромные глаза с болью мечутся на лице, когда подыскивает точное слово. Поэтому и говорит с хорошими театральными паузами. Вот съездила в Канны на кинофестиваль, другая бы на ее месте взвлек рассказывала, а она: «Я не скажу, что бы меня это занимало как-то особенно. Хотя приятно было», — про то, как по знаменитой каннской лестнице, истертой подошвами суперзвезд, проходила в окружении известных людей. Как будто каждый день там бывает. Инна Чурикова, в этом она вся...

— Канны, помимо всего прочего, это определенные правила игры: приемы, тусовки, роскошные туалеты. А как вы там себя ощущали?

— Да разве это только тусовки? Тем более что я никогда не тусуюсь. Потрясающее кино, возможность посмотреть лучше, что создано художниками, — вот что для меня Канны прежде всего. И колоссальная ответственность, потому что я была в жюри и судила фильмы. Что для меня, с одной стороны, почетно (пригласили в Канны), а с другой — невероятно трудно. Я знаю, как обнажены нервы у художника, представляющего на конкурс свою работу. Два года назад я помню свое волнение, когда здесь демонстрировалась наша картина «Мать». Этот страх ожидания результатов до боли в коже помню...

А вечерние туалеты... Конечно, здесь такой парад их.

Я тоже приехала не с пустым чемоданом. Но сама себе сказала: «Я должна быть спокойна. Вот все, что у меня есть, — и в этом буду ходить. Скромнее (а это, конечно, скромнее), но это мое. И в конце концов, одежда хоть и красит человека, но и я ее украшу». Я же понимаю, что, наверное, никогда не смогу одеваться, как Клаудиа Кардинале. У меня нет ни такого опыта, ни таких денег... Ну, другая у нас жизнь. Признаться честно, в Каннах я боялась другого.

— Чего именно?

— Есть некая фатальность в моих заграничных поездках. Я не так много езжу, но как только попадаю за рубежи отечества, непременно что-то случается. Я помню, что когда мы с Глебом были в Венеции — он работал тогда в жюри кинофестиваля, — в это время наши военные расстреляли в воздухе корейский самолет. И мы вдруг почувствовали, что от нас отшатнулись даже те, кто был к нам близок.

В общем, хочешь ты того или нет, но ты представляешь свою несчастную родину, которая все время что-то выкидывает: расстреливает чужие самолеты, вводит танки или начинает выполнять интернациональный долг. А в Чехословакии меня просто выбросили из лифта.

— ???

— Мы были гостями кинофестиваля. В гостинице, помню, я вошла в лифт. Была, как мне казалось, элегантно одета, в шляпе (я очень люблю шляпы). И сказала своей приятельнице, что только на минуту поднимусь в номер и тут же вернусь. И вдруг я чувствую, как вылетаю из лифта. Я даже не успела ничего сообщить, только увидела гневное лицо мужчины.

Это он меня так... А потом стала оправдывать его: а вдруг у него кого-то наши солдаты убили? Я его оправдывала, хотя было очень горько. «За что? — думала я. — Руководители страны и наш чернобрый вождь ездят в бронированных машинах с усиленной охраной, а выбрасывают из лифта простых людей...».

Вот наша картина «Мать» именно про это: безответственность властей и расплата за содеянное — чужой кровью.

— Понимание этого, видимо, заставило вас зимой выйти на демонстрацию? И вы, как ваша героиня Ниловна, шли рядом с сыном.

— Я на демонстрации не хожу. Но зимой, после безумных съездов, я была напугана, раздавлена нарастающим фашизмом. Мы с Ванечкой пошли к Дому кино и выразили свое отношение к этому. И не потому, что я преисполнена нежной любви к правительству. Потому что я ненавижу фашизм в любом его проявлении.

А после «Правда» опубликовала список фамилий — 39 человек, сопроводив его такими словами: «Вот эти люди будут вас обрабатывать по ящику». Среди прочих я увидела свою фамилию и номер домашнего телефона (кстати, телефон был не у всех обозначен). Скажите, как может газета писать заведомую ложь? Это ведь подсудное дело. И начались чудовищные звонки.

— Вы тогда пожалели, что пошли в Дом кино?

— Нет, не пожалела. Но я поразились, что так просто людей можно обмануть, сказать им гадость, глупость про меня, других людей, и они будут готовы ненавидеть, угрожать и, возможно, убивать. Как это легко, как легко...

Самое интересное то, что один из тех, кто звонил, признался, что в «Национальном единстве» ему дали бутылку водки, четыре тысячи, и он «этому позвонил, этому позвонил, а Чурикову никак дома не застанет». Заговорил о компьютерах... Послушайте, он ведь неплохой, по-видимому, человек. Наверное, они все нормальные люди. Но, может быть, безумство цен порождает безумство людей — они звереют, теряют достоинство — за 4 тысячи и бутылку водки готовы на все?.. Но все-таки думать-то надо — что делаешь.

Сейчас все время внушают людям, что эти 70 лет жизнь была сплошным кошмаром. Прожита зря. Ничего нет... А почему? — спрашиваю я. Я не могу зачеркнуть прошлое. Я любила, работала, мечтала. При всем том плохом, что было, что вызывает у меня отторжение. Как можно жить, разрушая все, что было сделано до тебя?

— Инна Михайловна, Глеб Панфилов, который знает вас лучше всех, сказал, что вы — «мягкая сила». По-моему, очень точно. И в этом, как мне кажется, вы похожи на своих героинь. Скажите, а вы могли бы в определенных обстоятельствах поступить так же, как они?

— Отравить мужа, что ли? Как Васса?

— Ну или принять христианство во имя любимого человека, как Анна Петровна в пьесе «Иванов»?

— Мне трудно оценивать себя с этой

точки зрения. Но во всяком случае, я не отравила бы любимого человека, даже если бы он мне делал бесконечно больно. Я бы попыталась его понять.

— А какая из ролей, сыгранных вами в театре и кино, досталась с болью, с муками, как достается матери трудный ребенок?

— «Сорри», может быть. Это очень трудная пьеса. Там никто не стреляет. Нет эротики, ноги-грудь тоже отсутству-

была 20 лет назад, что есть и та, которая будет. И вся на дыхании, моем и партнера. Спектакль идет уже год, но каждый раз он новый, иной. И мы с Колей Караченцовым получаем радость друг от друга как партнеры. Вообще я должна сказать, что работа над любым спектаклем — это всегда для меня встреча с неизвестным человеком. Вот сейчас мы репетируем «Чайку».

— А какие у вас взаимоотношения с

Фото Александра ИЗОТОВА.

ют. В этом плане она скромна. Просто два человека сидят и разговаривают. Да еще в море. И при этом пьют, пьют...

— Вот когда я смотрю «Сорри», все время думаю — а сложно ли вам играть пьющую женщину, которая в течение двух часов проходит разные стадии опьянения — от легкого кайфа до...

— Вообще это чувство роли, интуиции. Я даже не знаю, что и сказать. Во всяком случае, эта пьеса опирается на жизнь, и в ней нет вещей, которые были бы мне непонятны.

Но «Сорри»... пьеса ведь про другое. Она необычайно интересна. За два с половиной часа проходит вся жизнь: та, что

вашей будущей героиней — Ириной Николаевной Аркадиной?

— При первом знакомстве она была мне не очень симпатична. Эгоцентричная натура очень. Но я с ужасом думаю о матери, которая потеряла сына. Сын-то застрелился. Можно сойти с ума.

Вот что происходит: люди живут, играют в лото, влюбляются, а человек стреляется, и никто не заметил, что человеку было плохо. Понимаете? Может, это и есть человеческая комедия (так написано у Антона Павловича Чехова), когда люди не чувствуют, что происходит с теми, кто рядом.

Вы понимаете, какая странная история. Кажется, началась перестройка. Жизнь стала неузнаваемой, а человек не меняется. Как и в прошлом веке, люди вместе, но они одиноки. Им как бы не дано умение и желание понять друг друга. Никогда.

Вот я где-то читала, что Чехов пришел в гримерную комнату к своему товарищу и там встретил актера, который был весел, остроумен, похихивал, рассказывал анекдоты. А когда тот вышел, Антон Павлович сказал другу: «Послушай, этот человек — самоубийца». Так и случилось... Но это почувствовал Антон Павлович — человек уникальный, несуетящийся, который не любил праздновать Новый год и свой день рождения. Были ведь такие люди. А многие тогда и сейчас жизнь проводят в суете, довольствуясь поверхностными, мелкими радостями.

Вот чтобы погрузиться во всю эту историю и так существовать в роли, когда не знаешь, хороша или плоха Аркадина, мы должны работать, искать. И, конечно, мне надо уединиться.

— А вы можете себе это позволить?

— Пока не получается: каждый день спектакли, дел невпроворот. Но я обязательно уеду, уединюсь... Вот вы говорите — муки, а я не знаю, как это «мучиться над ролью», когда это так интересно, когда рождается то, что волнует, когда уже хочется жить в спектакле, постоянно возвращаться и не уходить...

— Скажите, Инна Михайловна, женщине-актрисе труднее, чем мужчине-актеру?

— Конечно, конечно, труднее. Жизнь у женщины тяжелее. Он — только работник. А она — ну, что тут скажешь? Каждая женщина меня поймет. А при том еще актрису возраст подпирает. Вот я, например, перестала играть Нелле в «Тиле» — свою любимую роль. Потому что поняла, что не имею права играть. Так же, как не могу осуществить мечту своей жизни — сыграть в кино Жанну д'Арк. Потому что подросла маленько.

— А если бы вам предложили, ну, скажем, роль Джульетты и сказали при этом: «Только ты, Инна, только твой внутренний огонь и свечение...». В конце концов Сара Бернар играла Жанну д'Арк в 50. А Корчагина — Александровская вышла на сцену в роли дочери городничего («Ревизор»), когда ей было тоже немало лет.

— Наверное, они были гениальны. Я бы отказалась, не посмела. В драматическом искусстве, как в балете, только некоторые в 50 лет волнуют и впечатляют. Здесь очень жесткие законы. Я так говорю не потому, что возраст для меня — большой вопрос. Вовсе нет. Свой возраст я определяю так — силы есть, и есть понимание того, что ты делаешь. Но я не профессор, я ученик в этой жизни... [И. Михайлова]

14.07.93